

ЛИТЕРАТУРНЫЕ КРАЯ

„Мистер Бритлинг пьет чашу до дна" ¹⁾.

(О новонапостовских упражнениях).

А. Воронский.

Паду ли я стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она?..

I.

Сказание о напостовском граде несложно, кратко, но выразительно. Жили были эдакие постные и непреклонные люди, питались они акридами и диким медом, в рот хмельного не брали, на совет нечестивых не ходили и на путь грешных не вступали, маловерных и неверных обличали неустанно на всех площадях; там же, где нехватало трубного пророческого гласа, они, по показаниям достоверных и нелицеприятных свидетелей», били посильно стекла, ломали мрачно оконные рамы и бурно вышибали двери.

Шли дни и годы, исполнялись времена и сроки, и вот оказалось, что праведники — «сектанты-дезорганизаторы», «политиканы», «трескучие фразеры» и «злостные нарушители комколлективов». Хорошо. С поста они были незамедлительно сняты и разъяснены по всем уставным положениям. Глада, мора и землетрясения по местам не произошло, но для управления паствой пришли иные люди. Не то им надоели акриды, не то опротивело им стоять на прежних постах, не то в одну ночь снизошло на них осенение — доподлинно это неизвестно, одно несомненно: люди эти, со всем пылом принявшие за искоренение пагубных свойств сектантов, были недавними братьями-единоверцами постных праведников, их вчерашними неразлучниками. Именно они сменили их, заняли город и стали на новом посту. Так возник новый град, «именуемый теперь в отличие от прежнего «На литературном посту». Ладно.

Пока происходили великие освободительные войны с сектантами, маловерные стояли в стороне и со страхом ожидали, кто их будет приводить в истинную веру. Таков удел маловерных отныне и до века. «Что-то будет», шептали одни с надеждой и трепетом; «может быть, придет послабление какое», «каково-то будет новое начальство», «без начальства нельзя, пропадем, сгнием», «куда нам одним, поскорей бы, очень уж боязно» — говорили вторые, третьи, четвертые.

¹⁾ Так называется один из романов Уэллса.

Вожделенный миг, наконец, наступил: начальство пришло во грозе и буре. Опять исполнились времена и сроки, и уже раздаются смятенные голоса. «Хрен редьки не слаще», мрачно гудят одни; «не может быть, того ль мы ожидали», разочарованно вторят другие. Третьи качают головой; четвертые, что-то решив, настраиваются почему-то даже на веселый лад; пятые, выпучив глаза, смотрят обалдело друг на друга, шестые шмыгают предупредительно, покорно и заискивающе: начальство пришло; седьмые обнаруживают непокорство и иступленно твердят: ратуйте, крепитесь, не поддавайтесь.

К секте непокорных, но без иступления, сознаюсь открыто и всенародно, принадлежу и аз грешный. Да зачтется мне это мужественное заявление против Леопольда Авербаха и ангелов его. Почему я прошу посчитать это мое открытое заявление о непокорстве, как некую гражданскую доблесть? Слухи о моей воинственности и мужестве явно преувеличены. Больше года я сидел в бесте, и рот мой был полон камней, когда поносили меня даже Майские. Вот вам свидетельство пастушеских моих настроений. Правда, новый вождь, учитель жизни и властитель напостовских дум, он же Леопольд Авербах, вдохновенно наименовал меня Карфагеном, лишь из скромности умолчав о себе, что именно он — неподкупный Катон. Это прельстительно: помилуйте, вдруг вы сопричислены даже к древней истории. И все же я усумнился. Из грозных филиппик Авербаха следует, что хотя я и Карфаген, но занимаюсь «сантиментальным пустословием», клевету и потерял «всякое чутье и такт». Вызывает ли, читатели, в вашей памяти такое изблечение классические времена? Нет и нет. Не Карфаген я. Быть мне маловером. И пусть хоть я войду в историю как человек с некоторым мужеством, заявивший о своем непокорстве Леопольду Авербаху. Прошу об этом, обуреваемый темными предчувствиями.

Но если уж решаться — так решаться. И да будет позволено изложить основания, по каким я отказываюсь подчиняться мудрому и добродетельному Катону и сомневаюсь в новом начальстве.

II.

На стенах напостовского града в назидание, в поучение и в устрашение маловерных начертаны клятвенные обещание ее посрамить земли советской, стоять на страже до конца. Словом, обитатели града мнят себя единственными охранителями в литературе славных и великих заветов.

Клятв и заверений сколько угодно.

Но давно уже оказано: не всякому слуху верь, ибо часто бывает — спереды блажен муж, а сзади вскую шаташеся. У Достоевского в «Бесах» есть место, в котором описано, как победные, героические, величественные звуки «Марсельезы» мало-по-малу переходят в пошленький мотивчик «mein lieber Augustin». Когда вникаешь в новонапостовский журнал, невольно вспоминается это место. Зачинается новонапостовская песнь в тонах грозных, бра-

вурных, мощных, даже былинных, а кончается эдаким веселеньким, разухабистым канканом. Тут и упражненьице некоего Арго, и сатиры с намеками Романа, и сообщения, схожие со сплетнями. Дешево и сердито, в стиле приснопамятного — «Журнала Журналов», только глупей, грубей и бездарней. Не стесняются зато. В. Ермилов называет роман т. Барсукова «ресторанно-проститутской стряпней» и попутно доводит до сведения, что сей Барсуков получил из «Круга» «круглую сумму денег». Роман пишет шарж на Галчинского из «Желтой Стари» в таком стиле: приходит к Галчинскому писатель с завода, Галчинский спрашивает: «а вы, простите, не Бунин ли будете?.. Или, может быть, вы Куприн-с? Уж не Мережковский ли?» До чего ядовито! А Арго передразнивает Бабеля: «обо что вы думаете?» «Не мешай, я думаю об половую проблему». Совсем в духе сухаревских молодцов и торговков.

Трибуна и балаган, вещие пророчества и бульварные остроты и анекдотцы, идеологическая неприступность и неразборчивость, толки о повышении качества и угнетающее безвкусье. Прибавьте сюда развязность, безграничную самоуверенность, неряшливость и убогость языка, наивности школьников, смешайте все это, — получится не сладкое месиво, имя же ему «На литературном посту». Не спасают статьи ни А. В. Луначарского, ни Кольцова, ни других, построенные в иных планах, ибо лицо журнала определено и оформлено Авербахами, Арго, Ермиловым и Романами. И еще: как мелко и надсадно звучат эти слова о ленинизме на ряду с упражнениями людей, которые сводят счеты за то, что, по их же признанию, им возвращались рукописи. Черта примечательная и не случайная.

«На литературном посту» с Арго! Этого еще недоставало!

Нет, как хотите, я сомневаюсь в новом напостовском начальстве. Отрицаю.

III.

От «лица» перейдем к «нутру». Обратимся к современному Катону, собравшемуся разрушать Карфаген. Он — столп и утверждение истины. Заранее оговариваюсь. Мне понятна вся трудность и ответственность дела. Катон, он же Авербах, издавна известен непоколебимостью и несокрушимостью своих воззрений. Вот уже воистину — он камень, и никакие врата адавы не одолеют его. Положитесь на него, и он спасет вас. Это доказано.

И все же: дозвоьте и здесь усумниться малOVERУ. Грозны обличения Катона, суров его вид, мужественен его голос, зорко его всевидящее недреманное око, крепка его длань, разителен удар, но зачем же, например, бестолково суетиться, зачем Катону фокусничать, зачем неподкупному обнаруживать излишнее проворство рук, зачем ему, сверхдобродетельному, валить на своего противника небыль, зачем выдумывать? Словно бы не пристало Катону заниматься мелкими и крупными передержками и подтасовками, а он занимается, и еще как!

«Куда на выдумки наш парень тароват!..»

Итак, что есть истина?!

По заверениям новонапостовского Катона Воронский (Карфаген) призывает писателей забросить политграмоту, т.е. современный коммунизм и заняться «разложением внутри-атомной энергии». Странные советы в устах коммуниста. Но в чем же дело: давались ли они?

В статье «Чего у нас нет» говорилось, что нам грозит в литературе мелководье чувств и серая бытовщина. В противовес выдвигалось положение: «нам нужно побольше героического». Указывалось также, что нынешним писателям необходимо отказаться от бескрылого отобразительства и проникнуться трудовой, хозяйственной и культурной жизнью республики советов. А дальше утверждалось, что большинство наших молодых художников, и попутчиков, и пролетарских писателей, культурно невежественно и что им надобно стать в уровень с научными идеями нашего века. Похож ли этот строй мыслей на то, что получилось в изображении напостовского Катона? Не похож. Не содержится ли в указанной статье призыв изучать и «культурграмоту» и политграмоту? Содержится. Не подменил ли Авербах выдержку из статьи передержкой? Подменил. Зачем и кому нужны эти передержки? Это знаете вы, Катон, лучше меня. Это ваша беда и ваше несчастье.

Вы утверждаете, что я издеваюсь «над требованиями 100%-й идеологической выдержанности». Издеваюсь, когда об этом толкуют люди, от них же вы, Авербах, первый, — которые путают передержку с выдержкой, литературный спор с литературным доносом, а критику с пасквилем. Издеваюсь, если вижу, что самоуверенно и самонадеянно начинают поучать люди, блуждающие промежду трех сосен. Вот вам наглядный и поучительный пример, взятый из вашего «На литературном посту». Есть в этом журнальчике статья тов. Юрия Либединского, известного стопроцентщика, — воспоминания о Есенине. Автор рассказывает, как Есенин, будучи в Париже, пришел в кафэ, где к нему подошел кельнер с русской дворянской фамилией. Есенин сказал ему: «А я, вот, рязанский мужик — Сергей Есенин, и ты мне служишь». Либединский прибавляет от себя: «утверждаю, что в нем очень г л у б о к а б ы л а д е м о к р а т и ч е с к а я ж и л к а». Случай в парижском кафэ изложен не полно и не точно, но не в этом дело. Обратите внимание на другое: сидит в кафэ Есенин, наверное, в нетрезвом виде. Каков он был нетрезвый — известно. Перед ним один из «бывших» в качестве служащей «шестерки». Есенин куражится, бахвалится и издевается, а в «На литературном посту», где все выдержано на 100%, это зовется «глубокой демократической жилкой». Людей вы не стыдитесь, можно ли писать подобные несусветные глупости? Вы доказываете, что можно.

В статье, которая привела прыткого Катона в новонапостовское неистовство, писалось, что у нас много внешнего, показного приспособления к коммунизму. Это приспособленчество, переходящее сплошь и рядом в халтуру и макулатуру, многие вострые юноши принимают за «выдержанность». По силе сказанного писателям рекомендовалось воодушевляться не через посредство литературных школ, группок и направлений, а проникнуть к живым родникам трудовой жизни. Вот в каком смысле «издевался» я над 100%-ми.

Вы же, Катон, приписали мне мысль: плюйте на коммунизм и учитесь физике.

Передержка это или выдержка? Утверждаю: передержка. Вы — хитрый, Катон. Дай, мол, избытку в измене коммунизму: авось сгоряча пройдет, особенно теперь, когда в жизни партии так много сложного. Вы не учли одного: на всякого мудреца довольно простоты.

Что же означают в таком контексте слова, мною написанные: «писателю нужно затосковать по большим всечеловеческим идеалам нашего века»? О чем вдет речь? О коммунизме идет речь, и ни о чем ином. Являясь идеалом рабочего класса, современный коммунизм освобождает все человеческое общество, в этом смысле коммунизм всечеловечен. Зазорно разъяснять эта общие места, но приходится, ибо, прочитав слово «общечеловеческий», вы, несравненный публицист, пришли, что называется, в раж: позвольте, это же надклассовая критика, надклассовая культура и т. д.! Вы усиленно напоминаете Михаила Ивановича у Глеба Успенского. Услыхав в трактире замечание, что микстуру надо мешать палкой, он принимался за яростные обличения: «палкой!.. Нет, пора бросить. Ноне она о двух концах стала. Пора шваркнуть ее, палку-то» и т. д. Впрочем, сравнение это в одном отношении для вас слишком лестно: Михаил Иванович был «отставной» рабочий, уволенный за бунты, к передержкам он не прибегал, клеветой не занимался, а вы — увы!

Наклеветав до отвалу, вы наговорили дальше немало громких слов о французской революции, о Термидоре и об исторических аналогиях.

«Они хотят образованность свою показать»...

Показывайте, но не изображайте меня предателем коммунизма в расчете, что вы вотрете кому-то очки. Нехорошо.

Перейдем, однако, к главному, ради чего собрался наш Катон разрушать Карфаген. Авербах возмущен, что я заключил в общие скобки не к о т о р ы е литературные настроения. Это уже подлинная измена марксизму. Как же это? Где классовая дифференциация, где отражение ее в литературе?

Известно ли вам, несравненный Аника, что у каждого общественного строя, у каждой эпохи есть свой господствующий стиль. Об этом знал еще Ипполит Тэн. Почитайте — полезно. Этот «стиль» создается в быту, в нравах, в верованиях, в искусстве. Наша переходная от капитализма к социализму эпоха тоже имеет тенденцию установить свой господствующий стиль. В стране советов этот стиль еще далек от оформления, но кое в чем он уже сложился и продолжает складываться: Красная армия, советская общественность, октябрины, пионеры и т. д. — это уже наш «стиль», часто подчиняющий себе людей иных классовых прослоек: крестьянство, интеллигенцию, даже в иных случаях нэпманов, особенно их детей. Проникает этот стиль и в литературу. После заумного символизма мы в литературе переживаем своеобразный период ренессанса, пусть подчас весьма примитивного: реализм, языческое отношение к жизни и т.д. Эти черты свойственны и большинству попутчиков, и большинству пролетарских писателей. Мы — фламандцы в художественном слове и в живописи. В передовой вашего журнала, Катон, говорится о грядущем

щей культурной гегемонии пролетариата. Что это означает? Это означает, что в процессе нашего общественного бытия, несмотря на растущую из нэпа классовую расслойку, благодаря противоборствующим фактам и тенденциям в нашей хозяйственной жизни, мало-по-малу будет точнее оформляться в борьбе новый, наш господствующий стиль, которому будут подчиняться другие стили. Так ли это? Так. Сейчас в науке, в искусстве дело обстоит несколько иначе. Господствующего своего стиля пролетарские художники еще не создали. Не даром же вы твердите — учиться, учиться и учиться. С другой стороны, в силу своеобразного естественного и искусственного отбора у нас есть ряд так называемых попутчиков, более или менее органически спаянных с нашей советской действительностью. И у тех, и у других есть общие свойства, есть общие достоинства и недостатки, так как есть одинаковая бытовая обстановка, есть одна и та же научная и художественная культура прошлых веков. У Пильняка и у Артема Веселого, несмотря на все различия в их писательском облике, есть много схожего: восприятие революции, как стихии, язык, смещение плоскостей и т. д. Общее есть у Маяковского и Безыменского. Коммунистка Анна Караваева в «Берегах» трактует одну и ту же тему и очень сходно, что и Алексей Толстой в «Голубых городах». Стихи Асеева.. о желтом времени находят отклик в комсомольской и даже в партийной среде; поэзия Есенина созвучна и рабочему, и крестьянину, и интеллигенту, а вот Маркс «заражался» древне-греческим искусством, которое расцвело в обществе, основанном на рабском труде. В статье, за которую вы, Катон, собираетесь уничтожить Воронского, поставленная задача сводилась к тому, чтобы отметить, как некоторые, преимущественно упадочные, отрицательные условия нашего бытия отражаются и на попутчиках и на пролетарских художниках, вопреки их «классовой разнице». Методологически никаких преступлений против марксова метода в этом нет. Вы увидели тут «ниспровержение основ». Отчего это произошло? Оттого, что вы ведете допрос с явным и нехорошим пристрастием: вам нужно разрушить Карфаген. И еще оттого, что метод Маркса на практике вы опошлили до последнего предела. Орудя этим якобы марксовым методом, вы способны изрекать только такие истины: Булгаков — черная сотня, Толстой — сменовеховец, Горький — люмпенпролетарий или пролетарий, Успенский — разночинец-народник и т. д. Вы не понимаете, что даже тогда, когда вы близки в своих определениях к истине, эти ваши истины убоги, убийственно плоски и тощи, как семь библейских коров. Немудрено, что каждое отступление от общих избитых мест кажется вам предательством.

Нет, покорства вам я не могу обнаружить. Если уж на то пошло — готов принимать и впредь ваши разящие удары: «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна».

За всем тем снова о передержках. Вы, о, Катон, приписываете мне такую мысль, якобы высказанную когда-то в «Доме Герцена»: «бросьте крики о буржуазной идеологии; у нас, в литературе-то, ни одного сменовеховца нет». Тут кое-что существенное тоже передернуто. Буржуазная идеология

у нас существует, но в силу охранительных и предупредительных мер в наше искусство в прямом виде она проникает сравнительно слабо. Гораздо опасней косвенное и не прямое отражение ее: халтура, макулатура, обывательщина, холодный и сомнительный объективизм и т. п. Открытых противников коммунизма у нас мало, но сплошь и рядом красным флагом прикрывается сомнительная стряпня, ибо флаг этот иногда служит защитным цветом. Это я говорил и буду говорить. Вы же приписали мне дикую и нелепую мысль.

Точка. Угнаться за непогрешимым Авербахом нет возможности. Спорить и прекословить с ним дело невеселое: подите и покопайтесь во всех этих извращениях.

Несколько слов о стиле, о языке статей непогрешимого. Корявый язык местами потрясающе неряшлив и безграмотен: «успешность начатой борьбы имеет своей предпосылкой понимание корней предмета атаки»... «когда рельсы пролетарской революции уводят нас от старого, когда идет борьба за рельсы»... «формула окажется характеризующей пустоту»... «придите к этим словам, как к итогу его жизни»; а в передовой, написанной вполне в духе авербаховских сочинений: «стать на плечи накопленного человеческого опыта», «просекает борьба» и т. д. Дорогой Катон, поучитесь, дабы успешность вашей борьбы имела своей предпосылкой понимание корней предмета атаки на рельсах, которые везут вас на борьбу за рельсы, в противном случае вы не станете на плечи накопленного опыта, и ваша формула окажется характеризующей пустоту.

Мы исследовали «нутро» новонапостовского града. Оно оказалось в полном соответствии с «лицом». Нет и нет. Не могу подчиниться. Не позволяют «плечи накопленного опыта».

IV

Почему об Авербахе и его сочинениях? Мелкотравчаты и убоги его насюки, скучно рыться во всех этих измышлениях и благоглупостях. Но, во-первых, Авербахи — не случайность. Он — из молодых да ранний. Нам примелькались уже эти фигуры вострых, преуспевающих, всюду поспешающих, неугомонных юношей, самоуверенных и самонадеянных до самозабвения, ни в чем не сомневающих, никогда не ошибающихся. Разумеется, они клянутся ленинизмом, разумеется, они на иоту никогда не отступают от тезисов. В нашей сложной, пестрой жизни их вострота подчас принимает поистине зловещий оттенок. Легкость и немудрость их багажа конкурируют с готовностью передернуть, исказить, сочинить, выдумать. Они уверены, что бумага все стерпит, оттого такая прыткость, развязность и нагловатость тона. Они метят в Катоны, но мы-то знаем, что в них больше от Хлестакова и Ноздрева. Одно они усвоили твердо: клеветы, от клеветы всегда что-нибудь да останется.

Это во-первых.

Во-вторых. Как никак Авербахи говорят от имени пролетарской литературы. Не так давно была помещена заметка А. В. Луначарского, в которой

извещалось, что международное бюро пролетарских писателей организует совещание. Намечены доклады:

«1. Художественная литература, как орудие классовой борьбы — доклад тов. Клары Цеткин.

... 3. Пролетарская литература в СССР — доклад тов. Л. Авербах...».

Наш пострел везде поспел!

Клара Цеткин и Леопольд Авербах!!.

Не знаю, докладывал ли что-нибудь Авербах на совещании, но заранее уверен: если докладывал, то без Карфагена и прочих вещей дело не обошлось. И знаю твердо, о чем он умолчал. Он умолчал о том, что много криков о повышении качества литературной продукции и очень мало дела. Он умолчал о том, что погиб «Рабочий Журнал», что дышит на ладан орган Ваппа «Октябрь», что плохи дела «Молодой Гвардии», потому что велись они на редкость бесталанно и неряшливо. Он умолчал о том, что блок Авербахов с «Лефом», с конструктивистами — пуф, что распалась фактически и вышла из Ваппа «Кузница». Он умолчал о том, что благодаря склокам и мелкому политиканству целый ряд пролетарских писателей (из них много видных) фактически ушел из Ваппа и — что хуже и опасней — их никаким калачем не заманишь пока в группы и организации, ибо они переживают полосу сильнейшего разочарования в группировках, что разброд ширится и растет. Обо всем этом Авербахи молчат, предпочитая из-за кружковых соображений разрушать какие-то ими выдуманные карфагены.

Но это к слову. Факт остается фактом. Авербахи берут на себя смелость говорить от имени пролетарской литературы.

И, наконец, в-третьих. В журнальчике «На литературном посту» на ряду с Авербахами, Арго, Романами встречаются и нарком А. В. Луначарский, и Ольминский, и Кольцов. Пусть их статьи не схожи со стилем авербаховских сочинений, но их фамилиями прикрываются изделия этих юрких и прытких публицистов.

Вот почему приходится заниматься даже Авербахами.

Итак — Карфаген должен быть разрушен. Прямой Катон тут немного не договорил, хотя вывод и так ясен. О чем идет речь? В своем изобличении Авербах выражает, между прочим, удивление, как «столько лет ведущий первый журнал советского союза, как это редактор «Красной Нови» и т. д. не знает путей нашего художника...». Поняли, уважаемый. Готов пострадать, но с одним прощением, завещанием, или как хотите. Направляю его своему наркомату: я человек — организованный, хотя и маловер.

Анатолий Васильевич! Вы вхожи в напостовскую обитель и, как будто, даже свой там человек. Прошу об одном: грешен я, есть у меня грехи, есть (недавно растрогался даже на «Дяде Ване»), люблю жизнь и трудно расставаться душе моей с телом. Но, если суждено мне принять конец, то пусть он будет не от руки Авербаха. Не лестно мне умирать от него. Погибнуть на поле

брани в лобовых атаках тяжело, но почетно и — «есть упоение в бою», — но задохнуться от «литературных газов» Авербахов — да минет меня чаша сия.

Я — человек тихий. Пусть преуспевает Авербах, но позорного конца не хочу... А то я — хотя и тихий, но вспыльчивый, могу начать стекла бить. Душно от газов. Я жить хочу, разрешите разбить стекла. Конечно, я никого не устрашу, но зачем же доводить таких людей до неpotребства?

А пока... «мистер Бритлинг пьет чашу до дна»...